
Во дворе семьи Шэнь.

Старая госпожа Шэнь весь день была не в духе. Прошлой ночью она пошла требовать у Мяо Ши мясо и в итоге выставила себя полным посмешищем. Сын не только не встал на её сторону, но, вернувшись домой, ещё и отчитал её.

«Мама, ты уже в таком возрасте, что должна понимать, с кем в деревне можно связываться, а с кем нет! Хочешь ссориться с Мяо Ши — ладно, это одно дело. Но с У Гуйсян? Ты правда думаешь, что её трудно задеть? Стоило тебе её оскорбить, как она тут же подговорила старосту наказать меня, да ещё и заговорила о порке! Из-за того, что вы, бабы, всё раздули, все мои старые связи со старостой пошли прахом!»

Старая госпожа Шэнь кипела от злости: «Это всё та проклятая У Гуйсян! Ни капли уважения к старшим, никакого приличия!»

Шэнь Чжигао бросил на неё косой взгляд. Ему до смерти надоели эти речи. Она вечно твердит о старшинстве, правилах и обычаях, но какое они вообще имеют отношение к семье старосты? С чего это она вдруг стала для них «старшей»? Только потому, что прожила больше лет? Люди называли её «тётушкой» из вежливости, а не по долгу.

Неужели она и правда думает, что в деревне всё решает самый старый? У Гуйсян — жена старосты!

«Мама, хватит. И перестань цепляться к Мяо Ши и геру Цину. Развелись — считай, что они умерли. Их больше не существует. Если ты опять полезешь мутить воду и староста впрямь прикажет высечь меня, что я тогда должен буду делать?»

«Он не посмеет!» — старая госпожа Шэнь упрямо вскинула подбородок, но уверенность в голосе дрогнула.

В этот момент мимо ворот прошли несколько деревенских баб, нарочно повысив голоса, обсуждая, как гер Цин вернулся с целой телегой товаров. Эти слова впились старой госпоже Шэнь в сердце, словно иглы.

Шэнь Чжигао усмехнулся: «А почему бы и нет? Если он и правда велит меня высечь, что ты сможешь сделать?»

Сорок ударов палкой — это не шутка: если бьют сильно, человек может и не выжить. Шэнь Чжигао не собирался испытывать настроение старосты на собственной шкуре.

«Я... я...» — старая госпожа Шэнь хотела возразить, но слов не нашлось.

Шэнь Чжигао нетерпеливо махнул рукой: «Хватит болтовни, иди готовь ужин. Эти два дня еда была такой дрянной, что я вообще вкуса не чувствую! И не забудь сварить два яйца для Цзяофэн. Не дай моему сыну голодать».

При упоминании Ли Цзяофэн гнев старой госпожи Шэнь вспыхнул с новой силой. Именно эта женщина подбила её пойти требовать мясо у Мяо Ши, из-за чего она получила нагоняй от мужа и теперь была в немилости у сына. А у Ли Цзяофэн — ни царапины, да ещё и яйца ест!

«Сын, а что, твоя жена из золота сделана? Мне что, служить ей как божеству? Она здесь пальцем о палец не ударит, зато есть умеет! Если бы она вчера не ныла, что хочет свинины...»

«Ай, мама, что ты вообще несёшь? Цзяофэн беременна, разве нет? Я уже не молод, и наконец-то у меня будет сын. Конечно, я должен её побаловать!» — нетерпеливо перебил её Шэнь Чжигао.

«Всё, иди готовь».

«Женился — и мать забыл...» — грудь старой госпожи Шэнь тяжело вздымалась от переполнявших её чувств. С тех пор как гер Цин и Мяо Ши ушли, этот дом понемногу изменился, и ей стало в нём невыносимо тесно.

По сравнению с Ли Цзяофэн ей даже начинало не хватать Мяо Ши.

Когда Мяо Ши только вышла замуж за Шэнь Чжигао, он тоже какое-то время её баловал, но она никогда не важничала. Никогда не перечила старой госпоже Шэнь, всегда слушалась, всегда подчинялась.

А теперь? Ли Цзяофэн настроила сына против неё. Кого тут винить? Кому жаловаться?

Старая госпожа Шэнь глубоко вдохнула два раза, схватила ведро с помоями и направилась к свинарнику. Но стоило ей зачерпнуть немного, как в углу она заметила кучи свиного навоза.

Она тут же швырнула деревянную ложку и, кипя от ярости, бросилась к западному крылу, крича под окном: «Сколько времени свинарник не чистили?! У вас глаза есть вообще?!»

Изнутри донёсся слабый ответ, но старая госпожа Шэнь не собиралась останавливаться: «А траву для свиней ты резала? Ты уже взрослая девка, а всё ни на что не способна! Что, возомнила себя благородной госпожой? Весь дом — сборище ленивых бездельников! Даже еда отвратительная! Твоя мать тебя готовить перед замужеством не учила что ли?»

Раздражению всегда нужен выход.

Снаружи голос старой госпожи Шэнь продолжал пронзать стены. Внутри, в западном крыле, Чжао Айе сидел, крепко прижимая к себе дочь Шэнь Сяоцзюнь, и не смел издать ни звука. В его маленьких глазах стояли слёзы, дрожа на ресницах, но не падая.

Наверное, в каждом доме должен быть кто-то, кому суждено сыграть роль Шэнь Цина или Мяо Ши.

Чжао Айе думал об этом рассеянно.

Он и сам когда-то жил так же, когда только вышел замуж. Мяо Ши тогда ещё могла рожать, а Шэнь Чжан был жив. Но он был гером, которому трудно было зачать ребёнка, и в те годы старая госпожа Шэнь обращалась с ним особенно жестоко.

Шэнь Сяоцзюнь дрожала в его объятиях: «Ама*, что с бабушкой?»

*Ама — мать-гер.

Раньше она никогда так не кричала. Чистка свинарника, заготовка травы — всё это всегда делали Шэнь Цин и Мяо Ши. В хорошие дни Шэнь Сяоцзюнь собирала с подружками дикие травы, в ленивые — вышивала платочки. Траву для свиней она не резала ни разу, так почему

же бабушка вдруг так взбесилась?

Чжао Айе смахнул слезу. Ответа у него не было. Он мог вынести то, что вынесла Мяо Ши. Но он ни за что не позволит своей дочери пойти по такому же пути.

Тем временем Шэнь Цин и Мяо Ши быстро собрались, решив воспользоваться телегой, одолженной у старосты, и съездить к родне в деревню Шицю.

«В этом году я навещала твою бабушку всего один раз: на второй день Нового года», — со вздохом сказала Мяо Ши.

Теперь она перебирала ткани, которые Шэнь Цин принёс, и выбрала чайно-золотистый отрез с цветочным узором.

«Вот этот очень хорош! Его хватит даже на стёганую куртку. И цвет бабушке подойдёт. Столько лет я не могла ничего привезти домой, а в этот раз, благодаря моему геру Цину, наконец-то смогу проявить заботу».

Жизнь в старом доме семьи Шэнь никогда не была для Мяо Ши лёгкой. О подарках родным и говорить нечего — даже если она просто съездила к матери и из-за этого задерживалась с работой по дому, старая госпожа Шэнь тут же устраивала истерику. Зато оба её брата всегда тайком передавали ей припасы.

Вспомнив об этом, Мяо Ши выбрала ещё один отрез: светло-зелёный лён с ромбовидным узором. Он уступал чайно-золотой ткани по качеству, но яркий цвет был пронизан блестящими золотистыми нитями, а узор выглядел изящно. «Этот разделим между твоими двумя тётками. Захотят — сошьют себе куртки, захотят — одежду детям, пусть решают сами».

Шэнь Цин, разумеется, не возражал. Он и не собирался шить себе одежду из этих тканей, изначально он думал сделать одеяла или чехлы для матрасов. Но если матери хотелось пустить их на одежду или подарки, тогда ладно. В следующий раз он сходит и посмотрит, нет ли в других лавках занавесей... А может, ткань есть и у Сун Кайцзи?

В прошлый раз он не стал спрашивать, потому что слишком опасался привлечь к себе внимание, разглядывая незнакомые вещи слишком долго. Но ткани в том мире были куда тоньше и лучше тех, что продавались в уезде. Шэнь Цин вспомнил мягкость кофты, которую носил там, — если у Сун Кайцзи есть ткань, ему и вовсе не придётся покупать её в уезде.

Закрепив свиную ногу на телеге, он отложил в сторону четыре цзиня лепёшек и связал их в два узла по два цзиня. Немного подумав, он сказал Мяо Ши: «Давай возьмём с собой ещё денег. У дяди, должно быть, уже собрали редьку и капусту — раз уж телега у нас есть, загрузим немного».

Он собирался квасить больше капусты и редьки, чтобы продавать их в том мире, а значит, нужно было немало овощей. Своей земли у них не было, только небольшой огород, который никак не мог дать нужного количества урожая. Пришлось бы покупать у других.

А раз уж платить, то лучше своим. Теперь у них были деньги, и тайная помощь дядей больше не требовалась. Честная оплата избавляла бы дядей от неловкости перед жёнами.

Мяо Ши согласилась, зашла в дом, достала кошелек и спрятала его за пазуху. Перед тем как

выехать из деревни, они заехали к старосте. Шэнь Цин постучал в дверь, держа в руках узелок с лепёшками. «Тётушка Гуйсян, я привёз из уезда лепёшки! Вот, попробуйте!»

«Ай, гер Цин, зачем ты церемонишься?» — У Гуйсян как раз во дворе перебирала овощи, и руки у неё были в земле. Она поспешно вытерла их о фартук. «Ты так тяжело зарабатываешь деньги, а всё равно ещё и обо мне думаешь!»

«Так и должно быть, — с улыбкой сказал Шэнь Цин, протягивая ей узелок. — Мы с матерью едем в деревню Шицю навестить бабушку. Вернёмся до темноты и тогда же отдадим телегу».

«Да не спеши, и завтра можешь отдать! — охотно согласилась У Гуйсян. — И матери твоей давно пора выбраться из дома, ей полезно навестить свою семью».

После развода Мяо Ши стыдилась ездить в Шицю, опасаясь, что опозорит родню по материнской линии.

Они ещё немного тепло и непринуждённо поговорили у ворот. А тем временем за домом старший сын старосты с женой чинили овощной погреб. Невестка, наострив уши, вдруг ткнула мужа локтем.

«Муж, тебе не кажется, что мать положила глаз на гера Цина? Может, она подумывает сосватать его нашему младшему?»

Чжао Ши как раз пил воду. Услышав это, он поперхнулся, закашлявшись так, что едва не задохнулся. «Что?! Что ты сказала?!»

«Тсс, тише!» — жена не ожидала, что на неё брызнет вода, и сердито шлёпнула его пару раз. Чжао Ши решил, что она просто помогает ему прийти в себя после кашля, и даже почувствовал себя довольным — разве что удары были чересчур сильными.

Вытираясь, жена понизила голос: «Ты разве не заметил, как часто мама в последнее время общается с гером Цинем? И как вдруг сблизилась с тётушкой Мяо? Ты не знаешь, но раньше она на тётушку Мяо смотрела свысока».

«Это же было видно невооружённым глазом! Каждый раз, встречая тётушку Мяо, она поджимала губы и закатывала глаза — всё на лице было написано. А теперь вдруг стала такой приветливой? Если бы ей не приглянулся гер Цин, она бы не меняла так резко отношение к его матери. Я даже видела сегодня утром, как она дала геру Цину две бобовые пампушки».

Она для наглядности подняла два пальца: «Две, между прочим!»

Пусть У Гуйсян и казалась щедрой, но на самом деле бобовые пампушки в их доме просто так не раздавали.

С самого утра невестка прокручивала в голове эту мысль. Если честно, гер Цин не был плохим вариантом. Он был работящим и прямым — не из тех, кто создаёт проблемы. Он умел рубить дрова и охотиться. Разве это не означало, что мясо на столе будет появляться регулярно?

А уж внешность и телосложение... это забота младшего деверя, не её.

Чжао Ши сидел, ошарашенный, и долго молчал. Наконец он почесал затылок и сказал: «Если это правда... тогда жизнь моего младшего брата станет куда интереснее...»

После того как Шэнь Цин и Мяо Ши уехали, У Гуйсян с довольным видом унесла лепёшки в дом.

Традиционные лепёшки из жмыха по сути были простой деревенской выпечкой — сельские жители не особенно ценили изысканные сладости. Вместо тонких, ярких лакомств, которые исчезают за два укуса, им больше по душе был ощутимый вес двух цзиней плотной лепёшки.

А была ли жена Чжао Ши совсем уж не права? Вовсе нет!

У Гуйсян и правда подумывала о том, чтобы сосватать гера Цина своему младшему сыну.

У старосты с женой было пятеро детей: трое сыновей и две дочери. Старшие четверо уже обзавелись семьями, остался лишь младший сын. Возможно, именно потому, что он был младшим, его слишком баловали, и в итоге он вырос ленивым. Стоило поручить ему какое-нибудь дело — он тут же начинал тянуть время и без конца находил поводы отлынивать.

Семья жила в достатке, так что его лень не была большой бедой. Даже со всеми своими недостатками он без труда нашёл бы себе пару. Но У Гуйсян всегда хотелось подобрать ему такого спутника жизни, который сумел бы держать его в ежовых рукавицах и направлять на правильный путь.

Раньше она недолюбливала Мяо Ши, а уж семью Шэнь — и подавно, и ни разу не рассматривала Шэнь Цина как возможного кандидата.

Но за эти несколько дней общения с гером Цином она всё больше убеждалась, что он отличный выбор.

Эта мысль воодушевляла её... пока в памяти вдруг не всплыло одно воспоминание.

Она вспомнила, как гер Цин в детстве прижал её младшего сына к земле и избил. Причём одного раза ему показалось мало, он ещё и стащил с него штаны и закинул их на дерево.

У Гуйсян застыла.

Как бы ни хотелось ей заполучить гера Цина, младший сын всё же был её родной плотью и кровью. Каким бы безнадёжным он ни был, он оставался её ребёнком.

Пожалуй... стоило ещё раз всё обдумать.

<http://bllate.org/book/14994/1372583>